

Тан Чунь был её младшим братом по учёбе в университете, он обожал косплей, особенно женские роли. Друзья и однокурсники называли его «псевдодевушкой», смеялись над его женственностью. Гу Цинцин не могла вспомнить, почему он уехал за границу, не закончив учёбу, но их знакомство запомнила очень хорошо.

Тогда Тан Чунь участвовал в университетском конкурсе искусств, а Гу Цинцин случайно оказалась в жюри от студенческого совета. Тан Чунь тогда перевоплотился в сексуальную танцовщицу, что вызвало восторг, но и множество споров. Зрители свистели и освистывали.

Несколько преподавателей прямо на месте назвали его «трансвеститом», «ни мужчиной, ни женщиной», спросили, был ли он в Таиланде, и их слова были полны сарказма. Когда все члены жюри поставили Тан Чуню самые низкие оценки, Гу Цинцин дала ему высший балл. Она выступила перед всей аудиторией, защищая его, и поспорила с некоторыми преподавателями.

Она сказала:

— Искусство не имеет границ. Если бы эту танцевальную постановку исполняла не мужчина, а женщина, вы бы все аплодировали. Я хочу сказать, что как зрители вы имеете право не любить актёра или его выступление. Но уважайте его, это уважение к самим себе. Насмешки и оскорбления лишь показывают вашу грубость. Если вы не можете аплодировать, то хотя бы не раните того, кто старается. Я считаю, что он сегодня лучший — я поддерживаю его!

— Я уважаю тебя, как уважаю и преподавателей, сидящих здесь. Держись, — она повернулась и обняла растерянного Тан Чуня.

Для неё это было пустяком, но для него — событием, которое он запомнил на всю жизнь.

— Напоминаю тебе, соперница! — Тан Чунь с обидой посмотрел на Гу Цинцин, видя, что она всё ещё не понимает, и добавил:

— Чжэнь Давэй! Письмо!

Гу Цинцин растерянно смотрела на него, перебирая в голове эти три ключевых слова: соперница? Письмо? Чжэнь Давэй?

Постепенно давно забытые воспоминания начали всплывать, как пыль со дна озера. Поверхность воды казалась чистой и спокойной, но случайно брошенный камень поднял со дна пыль, и забытое, как волны, начало распространяться.

Гу Цинцин прикрыла рот рукой и пробормотала:

— Ты действительно уехал из-за этого?

— Хм, а зачем ещё мне было покидать родину? — На лице Тан Чуня читалась обида. Прошло

уже несколько лет, но он всё ещё чувствовал горечь.

Тан Чунь был известной личностью в университете, не только из-за своей эксцентричности, но и потому, что однажды написал любовное письмо преподавателю-мужчине и даже следил за ним, что в итоге привело к скандалу, который обсуждал весь университет. И этим преподавателем был Чжэнь Давэй.

Благодаря тому конкурсу Гу Цинцин и Тан Чунь подружились, и их отношения стали довольно близкими. О её отношениях с Чжэнь Давэем знали немногие, и Тан Чунь был одним из них.

— Ты действительно любил Чжэнь Давэя? — Гу Цинцин вздрогнула.

В наше время люди часто говорят о том, что общество стало более открытым, что терпимость и принятие выросли, но на самом деле всё не так радужно. Особенно несколько лет назад, когда для некоторых студентов преследование своего преподавателя считалось аморальным, а уж если это был мужчина, преследующий мужчину, то это и вовсе вызывало осуждение.

Гу Цинцин знала об этом лишь по слухам. Когда она узнала, Тан Чунь уже уехал за границу. Чжэнь Давэй никогда не упоминал об этом, и она не спрашивала.

— Я его любил? Хм, он что, красивее меня или богаче? — Тан Чунь невольно сложил пальцы в форме цветка и ткнул Гу Цинцин в грудь, после чего сам вздрогнул:

— Ой, привычка, не обращай внимания.

— Я так и думала, что это слухи, — Гу Цинцин вздохнула с облегчением. — Чуть не испугалась, что у меня появился соперник.

— Кто сказал, что это слухи? — Тан Чунь фыркнул. — Я действительно следил за ним и написал письмо.

— Что? — Гу Цинцин и Ли Сюэ переглянулись, их любопытство разгоралось.

Ли Сюэ напрямую спросила:

— Ты гей?

— Я wonderful! Я прямой, как стальная проволока! — Тан Чунь закатил глаза.

— Брат Тан, стальная проволока как раз гнутая! — Ли Сюэ сдержала смехок, изобразив руками круг.

Тан Чунь швырнул в неё салфеткой:

— Отстань, ты меня запутала, я прямой арматуры!

— Тогда почему ты так себя ведёшь? — Гу Цинцин скопировала его жест с цветком. — Раньше в университете ты так не делал.

— Эх, это чтобы легче было влиться в компанию, — Тан Чунь сам сделал жест цветком и подмигнул, но Гу Цинцин от этого покрылась мурашками. — Если ты не любишь мужчин, зачем тогда писал... письмо.

Тут Тан Чунь вдруг обиженно надулся и с упрёком сказал:

— Ох, мама моя, старшая сестра, сколько лет прошло, а ты только вес набрала, а мозги не прибавились!

Он с презрением посмотрел на неё:

— Ты правда не знаешь, что тогда я любил тебя?

— Меня?

— Её?

Гу Цинцин указала на себя, а Ли Сюэ переводила взгляд с одного на другого, её глаза горели от возбуждения. Ведь Тан Чунь, хоть и не был звездой в их кругу, но был известен своей придиричностью. Он был разборчив не только в выборе артистов, но и в личной жизни. Артисты часто шутили, кто же сможет приручить этого «демона».

И вот оказалось, что этот «демон» был покорён другой эксцентричной личностью. Ли Сюэ поразились, как же мал мир, и Гу Цинцин оказалась той самой.

Тогда он следил за Чжэнь Давэем из-за Гу Цинцин, письмо действительно было написано им. Он любил Гу Цинцин, но знал о её отношениях с Чжэнь Давэем. Он хотел признаться, но боялся потерять даже дружбу. Он следил за Чжэнь Давэем, надеясь найти на него компромат, но всё пошло не так, как он планировал. В порыве он придумал глупую идею — написать письмо от имени девушки, но его поймали. Так и возникли слухи о том, что он гей и плохой парень. Под давлением общественного мнения он был вынужден уехать за границу, чтобы продолжить учёбу.

— На что уставилась? — Тан Чунь посмотрел на Гу Цинцин и потянул её за одежду:

— Ох, старшая сестра, я рад, что у нас ничего не вышло. Ты посмотри на свой вкус сейчас — просто ужас, и этот вес, ну нельзя ли его немного убрать?

Гу Цинцин ахнула, потрогав живот:

— Ты думаешь, я сама этого хочу?

Она вздохнула, растирая живот. Ли Сюэ, увидев это, поняла, что у неё боли при месячных, и поспешила приготовить чай с коричневым сахаром. На кухне раздался шум, и Тан Чунь встал:

— Ох, моя царица! Я сам всё сделаю.

— Ведь есть лекарство от болей при месячных, иди, иди! Я приготовлю. Вы, женщины, такие капризные, — Тан Чунь с лёгкостью взялся за дело, словно он был мастером на все руки.

— Хе-хе, сестричка Гу, похоже, ты сможешь работать со мной! — Ли Сюэ радостно прижалась к Гу Цинцин на диване. — С такими близкими отношениями!

Но Гу Цинцин задумалась. Ей совсем не хотелось встречать старых друзей в таком плачевном состоянии, видя, как они процветают, а она ничего не достигла. Ничто не могло ранить её гордость сильнее.

— Сестричка Гу! — Ли Сюэ толкнула её, и Гу Цинцин очнулась, продолжая тереть живот и пытаясь улыбнуться:

— Хе-хе, скажи, как при таком весе у меня могут быть боли при месячных? Говорят же, что полные люди не мёрзнут.

— Сестричка Гу, ты что, с ума сошла? Это разные вещи. Боли при месячных вызваны слабостью ци и крови, а не количеством жира на талии, — Ли Сюэ ткнула Гу Цинцин в живот и вздохнула:

— Если бы жир можно было обменять на деньги, ты бы была миллионершей.

В это время в особняке семьи Чжань проходил день рождения отца Чжань Юнь, Чжань Чэнфэя. Но, вопреки ожиданиям, веселья не было. Гости были много, но атмосфера была далека от праздничной.

<http://bllate.org/book/15549/1376447>